

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.46.38.021

**Особенности выражения акциональных значений
и качественно-аспектуальных характеристик аналитических
глагольных конструкций в башкирском языке**

Хуснутдинов Альфред Сидыкович

Аспирант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинские Горы, 1;
e-mail: Khusnutdinov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние контекстуальных средств на формирование способов глагольного действия в башкирском языке, а также влияние «аспектуальной ситуации» на особенности выражения акциональной характеристики аналитических конструкций. В статье делается вывод о том, что акциональные свойства и аспектуальные характеристики составных глаголов строятся в соответствии и с учетом всех возможных вариантов реализации смысловых оттенков в рамках единого глагольного денотата. Поэтому любой знаменательный глагол может образовывать соответствующие связи с широким спектром вспомогательных глаголов, представляющих действие с какой-либо стороны исполнения. В тюркских языках «приращение» дополнительных значений к денотату посредством служебных компонентов могут сопровождаться и особенностями в выражении семантического содержания в каждом конкретном случае в зависимости от ситуации речи и лексического значения смыслового компонента деепричастия. Также исследуется вопрос о характере «внутреннего времени» составных глаголов, особенностях его реализации в определенных условиях контекста. В заключении показано, что знаменательные и служебные компоненты в составе аналитических конструкций представляют чрезвычайно широкий спектр взаимодействий, образующих некие мини-системы, элементы которых находятся в тесном контакте и границы которых часто сливаются и составляют своеобразные семантические «гроздь».

Для цитирования в научных исследованиях

Хуснутдинов А.С. Особенности выражения акциональных значений и качественно-аспектуальных характеристик аналитических глагольных конструкций в башкирском языке // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2021.46.38.021

Ключевые слова

Аналитические глагольные конструкции, глагольные системы, контекст, тюркские языки, башкирский язык.

Введение

В исследованиях глагольной системы тюркских языков среди тюркологов неослабевающий интерес представляют так называемые аналитические конструкции, получившие в тюркологии различные синонимические наименования: составные глаголы, сложные глаголы, сложновербальные, бивербальные конструкции. Данные термины, которые схематично можно было бы изобразить как «деепричастие на –п, -а/-е + вспомогательный модифицирующий глагол», передают идею характера протекания действия с точки зрения различных, реализуемых в глагольном комплексе, акциональных значений. Иными словами, служебный компонент в таких глаголах дополняет, уточняет значение смыслового деепричастия, представляя действие в ракурсе *особой событийности*. «...в рамках высказывания взаимодействие знаменательной и служебной семантики обретает особое содержание: с одной стороны, происходит наложение служебной семантики морфем на знаменательную семантику лексем; с другой стороны, взаимодействуют между собой также и знаменательные лексемы, поэтому распределение коммуникативных смыслов между компонентами высказывания всегда определяется условиями данной категориальной ситуации».

Приращение дополнительных оттенков к производящему денотату (способного восприниматься в тюркских языках обобщенно с т.з. совершенного и несовершенного вида), сужает его значение до конкретного проявления в конкретной речевой ситуации. Укырга – читать, укып сыга – прочитывает, укып етеп кила – уже дочитывает, укый килэ – читает одновременно с каким-либо другим действием, укып ботто – дочитал, укып ташланы – прочитал быстро, небрежно и т.д. Не случайно, что глагольные образования подобного типа (деепричастие + вспомогательный глагол), при переводе на русский язык, находят аналогии с приставочными глаголами.

Основная часть

Именно данное обстоятельство позволило многим тюркологам составные глаголы в тюркских языках интерпретировать как реализующие категорию совершенного вида, в то время как простые глаголы единодушно были признаны определяемыми двояко: и как глаголы СВ и как глаголы НСВ. Тем не менее, следует отметить, что сама по себе аналитическая конструкция не может быть однозначно определяема с т.з. грамматической категории совершенного вида, т.к. распределение ее «внутреннего времени» напрямую зависит от соответствующих контекстуальных условий:

Студент лекцияны язып сыкты «Студент записал лекцию»; в еще более широком контексте возможно «Студент дописал лекцию».

Студент лекцияны язып килдэ «Студент записывал лекцию».

Студент кон хаен бер дафтар битен язып сыкты «Студент каждый день записывал по одной тетрадной странице».

Становится очевидным, что для передачи тех или иных акциональных значений и аспектуальных характеристик определяющими в приведенных примерах являются передаваемые контекстуальные условия. Необходимо подчеркнуть, что влияние контекста практически во всех тюркских языках для реализации аспектуального содержания аналитической глагольной конструкции играет огромное значение. Соответствующее деривационное приращение способно модифицировать денотативное значение смыслового

деепричастия в различных ракурсах в зависимости от контекстуальных условий и выражаемой им аспектуальной ситуации. «Аспектуальная ситуация – это выражаемая в высказывании в том или ином варианте типовая содержательная структура,... представляющая собой ту сторону передаваемой в высказывании общей сигнификативной ситуации, которая связана с выражением характера и распределения действий во времени».

Воздействие «общей сигнификативной ситуации» на формирование того, что А. В. Бондарко назвал «типовая содержательная структура» в глагольной семантике тюркских языков имеет исключительное значение.

Аналитическая конструкция, в зависимости от контекстуальной оформленности и отражаемой смысловой задачи, способна выступать в различных аспектуальных реализациях с т. з. своих качественных характеристик и распределения внутреннего времени. Вообще следует особо подчеркнуть, что контекст как таковой, при необходимых условиях, способен активировать любые потенциальные возможности глагольной семантики, воздействуя на «угол зрения» к представляемой ситуации речи. Иными словами, при одном и том же грамматическом оформлении аналитическая глагольная конструкция может быть представлена в своих различных аспектуальных характеристиках, например, определяться как действие, имеющее внутренний предел либо не ограниченное этим пределом. «При вариациях в «вещественной» части многозначной лексемы одновременно меняется и сопряженная с ней акциональная семантика. Возникает типичная картина, когда глагол в одном значении передает процесс с одной фазовой структурой (например, предельный), а в другом – с иной (например, непредельный)» [Насилов. 1989, 17].

По нашему мнению, формирование «аспектуальной ситуации» в тюркских языках строится под непосредственным влиянием тех или иных контекстуальных условий, от которых во многом зависит способность глагола выступать в своем предельном или непредельном значении. Здесь необходимо отметить, что протекание внутреннего времени строится не только на формально-грамматических, но по большей части лексико-семантических основаниях.

Рассмотрим некоторые примеры, подтверждающие наши положения. Возьмем для примера глагол сыкты «вышел», который в составе аналитической конструкции, выступая в роли служебного компонента, подвергается полной десемантизации. Образующие с помощью данного вспомогательного глагола конструкции способны иметь следующие типы «приращиваемых» значений, формируя различные способы глагольного действия: 1) действие, исчерпавшее себя: һэу кайнап сыкты «вода вскипела»; 2) чрезмерное проявление действия: тон буена илап сыкты «проплакал всю ночь»; 3) действие, охватывающее некоторое количество объектов: бураналерды бысып сыкты «перепилил все бревна».

Аналитические конструкции с тем или иным вспомогательным глаголом всегда можно противопоставить глагольным сочетаниям со свободной синтаксической связью. Характеризуя сущность вспомогательных глаголов, исследователь татарского языка Ф. А. Ганиев пишет следующее: «При помощи вспомогательных глаголов действие, выраженное простым глаголом, конкретизируется. Составные глаголы в силу этого становятся более определенными, конкретными, образными...» [Ганиев, 1963, 53]. К свободным глагольным сочетаниям ученый относил такие, члены которой имеют самостоятельную синтаксическую роль, и в случае, если между двумя словами можно вставить третье без ущерба для смысла целого. Также и А. М. Щербак отмечал, что формализация и, как следствие, десемантизация полнозначных глаголов контекстуально обусловлено [Щербак, 1981, 136].

В нашем примере данные нами аналитические конструкции со спрягаемым глаголом

сыкты, в качестве служебного компонента, мы можем противопоставить свободным глагольным сочетаниям, где тот же глагол *сыкты* имеет уже полнозначное семантическое содержание: Ул *һабар айттеп сыкты* «Он, сказав новость, вышел»; Ул *елгала езеп сыкты* «Поплавав в речке, он вышел». В этом отношении примечателен последний пример: при изменении падежной формы слова *елгала* «в речке» на *елганы* «всю речку», меняется общее смысловое содержание предложения, и бивербальный глагол *езеп сыкты* при том же грамматическом оформлении меняет в целом характер своего глагольного действия; при изменении описываемой ситуации меняется и акциональное значение глагольной конструкции (формально-грамматическое выражение зачастую остается без изменений): Ул *елганы езеп сыкты* «Он *исплавал* всю речку». Ср., для примера: Ул *тугайда эзлап сыкты* «Он *искал* в роще», Ул *тугайды эзлап сыкты* «Он *обыскал* всю рощу» и Ул *тугайдан эзлап сыкты* «Поискав в роще, он *вышел* (из нее)». Данные примеры наглядно демонстрируют нам, какое важное значение имеет контекст в тюркских языках при формировании акциональной характеристики глаголов. Будучи под непосредственным влиянием заданных контекстуальных условий речи, бивербальные конструкции способны реализовывать различные стороны своего семантического содержания, выражая разнообразные оттенки значений. «Выражаемое данной конструкцией содержание вытекает вовсе не из значения отдельных компонентов и не из суммы их значений, а из структуры конструкций в целом» [Юлдашев, 1981, 73] Те же контекстуальные условия ограничивают возможности образования и проявления типовых акциональных свойств глаголов, определяя характер свободных глагольных сочетаний.

Следует отметить, что в тюркских языках, при рассмотрении видо-временных форм глагола, часто весьма затруднительно с однозначной определенностью охарактеризовать их внутреннее качественно-аспектуальное содержание. Например, несмотря на то, что в большинстве случаев в формах императива, а также прошедшего и будущего времени индикатива глаголов мы наблюдаем имплицитность внутреннего предела действия, некой результативной границы, все-таки существует немало случаев двойственной интерпретации аспектуальных признаков, а при иных контекстуальных условиях та же грамматическая глагольная форма (о чем мы говорили ранее) способна передавать прямо противоположные значения. Здесь на первый план уже выходит словесное окружение глагола, соответствующие контекстуальные условия и в целом, реализуемая в предложении смысловая задача.

Кеше *килеп сыкһа*, ул башын ситке бора, куззарен яшера [Карим, 2000, 58]. «А коль уж появится кто, он голову в сторону повернет, глаза спрячет» или «А коль уж кто появляется, он голову в сторону отворачивает, глаза прячет».

На возможность подобной двоякой интерпретации по отношению к внутренней границе действия, влияет, на наш взгляд, словесное окружение рассматриваемой аналитической конструкции *килеп сыкһа* «появится», «появляется», когда наряду с составным глаголом в качестве однородных предикатов используются простые глаголы, способные, как известно, в тюркских языках употребляться как в условных формах совершенного, так и несовершенного вида. В данном предложении это глаголы *бора* «поворачивает», «повернет» и *йешерэ* «прячет», «спрячет».

В предложении Картинейем бында *тороп калһэн* [Карим, 2000] форма составного глагола, употребленного в императиве *тороп калһэн* в данном контексте может восприниматься двояко: и с т.з. действия предельного, обладающего внутренней границей, и как не ограниченного пределом: 1) Бабушка пусть здесь *останется*; 2) Бабушка пусть здесь *остаётся*. В данном случае (как и во многих других, при соответствующих переводах с одного языка на другой)

соотношение глаголов по предельности/непредельности имеет четкие семантические параллели. Здесь необходимо отметить, что в тюркских языках на формирование внутреннего предела в некоторых случаях определенное влияние способны оказывать контекст и общая коммуникативная задача высказывания. Предельность таким образом есть внутренняя направленность действия к «видимой» «различимой» границе. «Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел» [Маслов, 2004, 29].

Все же следует отметить, что видо-временные формы тюркского глагола вообще (а не только башкирского), употребленные в прошедшем времени, как правило, передают значение предельности, внутренней границы действия. В практике перевода на русский язык такие глаголы находят свое отражение обычно в формах глаголов совершенного вида; формы той же глагольной лексемы, но уже употребленные в настоящем времени, указывают на длительность действия, как правило, его неограниченность пределом. Такие глаголы часто передают значение актуально-длительного СГД, реализуемое соответствующими служебными модифицирующими компонентами.

Иманлек уренэн аяз кондо ак тау башындагы ак кала ялт итеп *ялтырап куренеп тора* [Карим, 2000, 47]. «А в ясный погожий день меж дубовой рощи на вершине белой горы, сверкая, виднеется белый город».

Бынау купер астында бит ен-перей мыжгырып тора [Карим, 2000, 71]. «Под мостом этим нечистой силы водится видимо-невидимо».

Куззарен айтеп тора [Насыри, 1989, 4].

Тем не менее, несмотря на частотность подобного распределения внутреннего времени в глаголах актуально-длительного настоящего, в конструкциях на «*инфинитив + тор*» возможно также и указание на внутренний предел действия: Аяктар уззенэн-уззере *югерерга тора* «Ноги сами собой готовы пуститься в бег» [Карим, 2000, 54]. *Бына ул хэр вакыт туш-баштары калкытып, кыр кыззары кеук осорга гына тора* «Вот она всякий раз, гордо подняв голову и выпятив грудь, подобно другим девушкам готова в любой момент исчезнуть» [Юлтый, 2004, 127]. Но даже и в подобных случаях на формирование внутренней временной границы или же, наоборот, ее отсутствия, влияние оказывает соответствующий контекст. Такие глаголы, как правило, при переводе передаются формами инфинитива, но могут также и выражаться формами будущего времени, с соответствующими адвербиальными конкретизаторами, сигнализирующими о том, что действие вот-вот должно совершиться, находится на грани своего активного исполнения. Это значение реализуется благодаря вспомогательному глаголу *тор*, в данных типовых ситуациях, придающего семантике всей аналитической конструкции значение «готовности (ожидания) интенсивного приступа к действию: *югерерга тора* «вот-вот побегут (ноги)», *язырга тора* «готовится написать (вот-вот напишет)», *уырга тора* «собирается прочитать (вот-вот прочитает)» и т.п.

Определяя аспектуальные характеристики и акциональные свойства аналитических конструкций, необходимо подчеркнуть, что в тюркских языках «приращение» дополнительных значений к денотату посредством служебных компонентов могут сопровождаться и особенностями в выражении семантического содержания в каждом конкретном случае в зависимости от ситуации речи и лексического значения смыслового компонента деепричастия. Что это значит? Это значит, что с помощью одного и того же служебного компонента, входящего в одну типовую семантическую подгруппу (лексико-семантический разряд), действие может приобретать различный характер исполнения. В русском языке такие глаголы

оформляются с помощью различных приставок и суффиксов, в тюркских – в их выражении участвуют служебные компоненты, относящиеся к одному СГД.

Данные конструкции А. А. Юлдашев определяет как образованные посредством «внутриглагольного словосложения», считая их «объектом деривационной морфологии» [Юлдашев, 1981, 213]. Например, в башкирском языке вспомогательные глаголы *кит*, *куй* относятся к способу глагольного действия, обозначающего неожиданное, интенсивно производимое действие. Это его семантический признак. Однако глагольные значения, осуществляемые при помощи данных вспомогательных компонентов, могут интерпретироваться двояко: как действия преднамеренные, ожидаемые и как действия случайные, неконтролируемые, неожиданные: *егылып китте* «вдруг упал», *тайеп китте* «поскользнулся», *егылып куйды* «упал» - действия непреднамеренные, случайные; *эшлап китте* «заработал», *айтеп куйды* «высказал», *колоп куйды* «усмехнулся» - действия ожидаемые, преднамеренные. По данным свойствам можно распределить практически все аналитические конструкции. Разграничение, проведенное нами, особо отчетливо показывает тесную семантическую взаимосвязь между знаменательным, смысловым и служебным, модифицирующим компонентами в составе аналитической конструкции.

Акциональные свойства и аспектуальные характеристики составных глаголов строятся в соответствии и с учетом всех возможных вариантов реализации смысловых оттенков в рамках единого глагольного денотата. Поэтому любой знаменательный глагол может образовывать соответствующие связи с широким спектром вспомогательных глаголов, представляющих действие с какой-либо стороны исполнения. С этой точки зрения один и тот же служебный компонент с разными знаменательными глаголами будет передавать абсолютно различные СГД: *кушып ебарды* «добавил», *тортоп ебарды* «толкнул», *колоп ебарды* «рассмеялся» и т.п. Таким образом, один знаменательный глагол может «обрастать» целой сетью вспомогательных компонентов, образуя различные способы глагольного действия. Возьмем, к примеру, глагол *аш* «есть». Мы можем выявить следующие его способы реализации глагольных действий: *ашап алды* «перекусил», *ашап куйды* «съел», *ашап ебарды* «съел (случайно)», *ашап ботто* «доел», *ашап ятты* «ел все время» и т.п. Каждое из приобретаемых денотатом *аш* значений относится к разным сторонам единого лексико-семантического поля, реализуя те или иные акциональные характеристики.

Заключение

Таким образом, и знаменательные и служебные компоненты в составе аналитических конструкций представляют чрезвычайно широкий спектр взаимодействий, образующих некие мини-системы, элементы которых находятся в тесном контакте и границы которых часто сливаются и составляют своеобразные семантические «гроздья».

Библиография

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. 1983.
2. Ганиев Ф.А. видовая характеристика глаголов татарского языка. Татарское книжное издательство. 1963.
3. Карим М., «Озак озон бала сак», Уфа. 2000.
4. Маслов Ю.С. Избранные работы. М. 2004.
5. Маслов Ю.С. Избранные труды. М. 2004.
6. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л. Наука. 1989.
7. Насыри И. «Кузэй», Офо. 2004.

8. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л. 1981.
9. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М. 1958.
10. Юлдашев А.А. Словообразование глагола // Грамматика современного башкирского литературного языка. М. Наука. 1981.
11. Юлтый Д., «Карагол». Офо. 2004.

Features of the expression of actional meanings and qualitative-aspectual characteristics of analytical verb constructions in the Bashkir language

Al'fred S. Khusnutdinov

Postgraduate student,
Lomonosov Moscow State University,
119234, 1, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Khusnutdinov@mail.ru

Abstract

The article considers the influence of contextual means on the formation of verbal action methods in the Bashkir language, as well as the influence of the "aspectual situation" on the features of the expression of the actional characteristics of analytical constructions. The article concludes that the actional properties and aspectual characteristics of compound verbs are constructed in accordance with and taking into account all possible variants of the implementation of semantic shades within a single verbal denotation. Therefore, any significant verb can form appropriate connections with a wide range of auxiliary verbs that represent an action from any side of the performance. In the Turkic languages, the "increment" of additional meanings to the denotation by means of service components can also be accompanied by features in the expression of semantic content in each specific case, depending on the situation of speech and the lexical meaning of the semantic component of the adverbial part. The article also examines the nature of the "internal tense" of compound verbs, the features of its implementation in certain context conditions. In conclusion, it is shown that the significant and service components in the composition of analytical structures represent an extremely wide range of interactions that form some mini-systems, the elements of which are in close contact and the boundaries of which often merge and form a kind of semantic "clusters".

For citation

Khusnutdinov A.S. (2021) Osobennosti vyrazheniya aktsional'nykh znachenii i kachestvenno-aspektual'nykh kharakteristik analiticheskikh glagol'nykh konstruktssii v bashkirskom yazyke [Features of the expression of actional meanings and qualitative-aspectual characteristics of analytical verb constructions in the Bashkir language]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2021.46.38.021

Keywords

Analytical verb constructions, verb systems, context, Turkic languages, Bashkir language.

References

1. Bondarko A.V. Principles of functional grammar and questions of aspectology. L. 1983.
2. Ganiev F. A. Specific characteristics of the Tatar language verbs. Tatar Book Publishing House. 1963.
3. Karim M., "Ozak ozon bala sak", Ufa. 2000.
4. Maslov Yu. S. Selected works. M. 2004.
5. Maslov Yu. S. Selected works. M. 2004.
6. Nasilov D. M. Problems of Turkic aspectology. Actionality. L. Nauka. 1989.
7. Nasyri I. "Kuzey", Ofo. 2004.
8. Shcherbak A.M. Essays on comparative morphology of the Turkic languages. Verb. L. 1981.
9. Yuldashev A. A. Sistema slovoobrazovaniya i spryazheniya vergola v bashkirskom yazyke. M. 1958.
10. Yuldashev A. A. Slovoobrazovanie vergola / / Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka. M.Nauka. 1981.
11. Yulty D., "Karagol". Ofo. 2004.